

Лидия ОГАНЕСЯН

НА ФЛОРЕНТИЙСКОЙ МОСТОВОЙ

поэма

По этой мостовой, а может быть, по той
шел Данте, опечаленный потерей,
и в башню поднимаясь лестницей крутой,
он был ошеломлен, разбит, растерян.
Он был почти убит. Так, словно жизни нить
вдруг лопнула. И смерть закрыла двери.
И как теперь в житейском море плыть,
не знал он. И в судьбу уже не верил.
Не дал ему Господь заснуть в тот самый миг,
когда забрал ее в свои чертоги.
Но дал слова, чтобы безмолвный крик
в стихи отлил, и встречу на пороге
небесных сфер оставил он ему,
и голос милой, что манил во тьму.

Услышав голос, Данте, словно тень,
пошел туда, где не наступит день.
Прожив полжизни, брел он, как слепец,
и в лес дремучий вышел наконец.

Лес страшен был. Хотелось повернуть
в свой мир, такой знакомый и привычный,
но голос звал продолжить трудный путь,
и проводник был дан ему отличный.
Вергилий знал, что послан свыше был
поэта провести тропой неторной.
Но, прежде чем блаженство заслужить,
он должен в ад проследовать покорно,
чтоб рассказать о том, что за чертой,
призвав талант, подобный вольной птице,
ну а блаженство — это встреча с той,
что заставляет сердце чаще биться.

Возможно ль это? Жизни посреди
уже не ждал поэт таких подарков.
В мечтаниях он видел впереди

лишь смерть свою отчетливо и ярко.
И лишь она могла соединить
его с возлюбленной. Но уж если Богу
дано хоть на мгновение эту нить
связать, то он пускается в дорогу.

И он идет с Вергилием вперед
сквозь стоны, плач, страдания и боли.
Вокруг него пороков хоровод
кружит, и состраданием поневоле
к несчастным проникается поэт,
будь страстотерпец это иль ленивец,
чревоугодник или же гордец,
скупец скаредный или же мздоимец —
все пребывают в муках и грехах
и на поэта навевают страх.

Дойдя до дна и не найдя отрады,
они к чистилищу идут и рады,
что ад уже остался позади.
И поводырь подбадривает взглядом —
желанная награда впереди.
На входе Ангел Данте пропуская,
мечом на лбу семь знаков начертал,
но с каждым кругом знак один растает,
чтобы поэт в безгрешности предстал
перед вратами рая. А дотоле
ему нелегкий предстоит подъем,
но рядом друг. Ему достанет воли.
И будет легче путь пройти вдвоем.

Здесь грешники с надеждой смотрят в небо,
чтоб сбросить груз земных своих грехов.
Кто гордецом, кто алчным был, кто гневным —
всем им не избежать семи кругов.
И Данте тоже на круги ступает.
и с каждым кругом знаки на челе
как бы по мановенью исчезают,
и с каждым кругом легче путь вдвойне.
Вергилий же готовится покинуть
Собрата и пойти в обратный путь.

В небесный рай не может он проникнуть —
Не принял он крещения — в этом суть.
Но Данте не печалится, ведь скоро
увидит ту, что всех ему милей,
и потому ему дорога споро
дается, и к возлюбленной своей
стремиться он и сердцем и душою,
и крылья вырастают за спиною.
Когда он представляет, как она
его встречает на пороге Рая,
то меркнет красота любого дня —
его сиянье милой затмевает.

Свершилась встреча. Данте ослеплен
явленьем долгожданным Беатриче,
и это не мечтания, не сон! —
Она пред ним, но лишь в ином обличье.

Поэт, освободившись от грехов,
был к новым путешествиям готов,
узнать готов, кто удостоен чести
в небесном доме оказаться вместе.
Достойнейших мужей он повстречал,
узнал о горькой участи изгнанья,
о том, что человек ничтожно мал,
ну а любовь подобна мирозданию.
И говорил с возлюбленною он
(чего при жизни не случалось прежде!)
о том, как обустроен Божий дом
и о любви и вере и надежде.
Молитву Беатриче вознесла —
она для Данте памяти просила,
чтоб на земле услышали слова:
Любовь лишь движет солнца и светила.
И воссияла, но не ослепив,
любовью вечной одарив поэта,
собою напоследок все затмив,
предстала сосредоточеньем света.
И все... И возвращение назад
теперь уже без горечи потери.
Увидев Рай, Чистилище и Ад,

поэт, ступив на землю вновь, растерян:
как рассказать о том, что видел он?
Мелькает перед ним видений сонм.

Теперь по этой мостовой иль той
иду и я, шагами время меря.
Флоренции излюбленной тропой
я подхожу опять к церковной двери
и в тишине и в полумраке там
сизжу немою робостью объята,
к надгробным прикасаюсь я камням,
как прикасался к ним поэт когда-то.
Иду я к дому с башней в небеса,
где описал виденья Алигьери,
и, словно продолжая чудеса,
передо мной распахивают двери.
За ним они закрылись навсегда,
когда он стал изгоем в одночасье.
Сюда он не вернулся никогда.
Дом по сей день хранит следы несчастья.
Пророчества небес сбывались вновь —
в изгнание поэта уносило.
Но свято помнил он, что лишь любовь
заставить может двигаться светила.
Хоть грезил он Флоренцией своей,
но так и не сумел сюда вернуться.
Равенна склепа отворила дверь,
чтоб смог он снова вечности коснуться.
Он победил юдоль свою и смерть —
все потому, что смог любовь воспеть.